

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 93–106.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 93–106.

Научная статья
УДК 001.92(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V517

Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами и национальными приоритетами

Марина Давидовна Крынжина

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: m.kryzhina@inno.mgimo.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9956-4521>

Аннотация. В статье анализируются тенденции развития гражданской науки в России в контексте влияния неолиберального социально-экономического порядка на формирование данного концепта и трансформацию его практик. Несмотря на повсеместную критику неолиберализма, за счет глобального распространения идей и ценностей, составляющих основу этой доктрины, отечественная система организации научной деятельности по-прежнему в значительной степени подвержена ее влиянию. Развитие гражданской науки анализируется в рамках концепции моделей научных коммуникаций, таких как «дефицитная модель», «модель диалога» и «модель вовлечения», или «партисипаторная модель». Сделан акцент на различиях в подходах к определению концепта «гражданская наука» со стороны представителей естественных и социальных наук. Показано, что зарубежные ученые, учреждая проекты с привлечением волонтеров, изначально преследовали образовательные цели. Продемонстрировано, что российские исследователи теоретически рассматривают гражданскую науку как благо и эффективный инструмент укрепления социальной солидарности и популяризации научного знания, разделяя, таким образом, англо-саксонские подходы и призывая к развитию этого направления. Однако на практике развитие гражданской науки в России сталкивается с серьезными препятствиями: примеры реализации проектов гражданской науки малочисленны, вовлеченность широкой общественности минимальна, а популяризации феномена не уделяется должного внимания. Показано, что международный опыт привлечения волонтеров-исследователей недостаточно проявляется в российском научном и информационном пространстве. Сделан акцент на роли практик гражданской науки в суверенном государстве. Делается вывод, что гражданская наука в России как социальный институт, призванный популяризировать науку среди широкой общественности, не функционирует.

Ключевые слова: гражданская наука, научные коммуникации, научная политика, популяризация науки, суверенная наука, неолиберальная наука, открытая наука

Для цитирования: Крынжина М.Д. Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами и национальными приоритетами // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 93–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V517>

Original article

Neoliberalism and Citizen Science in Russia: Between Global Standards and National Priorities

Marina D. Krynzhina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: m.krynzhina@inno.mgimo.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9956-4521>

Abstract. The article analyzes the trends in the development of citizen science in Russia in the context of the influence of the neoliberal socio-economic order on the formation of this concept and the transformation of its practices. Despite widespread criticism of neoliberalism, due to the global spread of the ideas and values that form the basis of this doctrine, the domestic system of organizing scientific activities remains significantly influenced by it. The development of citizen science is analyzed within the framework of the concept of scientific communication models—the “deficit model”, the “dialogue model”, and the “engagement” or “participatory model”. Emphasis is placed on the differences in approaches to defining the concept of “citizen science” among representatives of natural and social sciences. It is shown that Russian researchers theoretically consider citizen science as a benefit and an effective tool for strengthening social solidarity and popularizing scientific knowledge, thus sharing Anglo-Saxon approaches and calling for the development of this direction. However, in real practice, the development of citizen science in Russia faces serious obstacles: examples of the implementation of citizen science projects are few, public involvement is minimal, and due attention is not given to the popularization of the phenomenon among the general public. It is shown that international experience in attracting volunteer researchers in science is insufficiently manifested in the Russian scientific and informational space. Emphasis is placed on the role of citizen science practices in a sovereign state. The conclusion is made that citizen science in Russia, as a social institution designed to popularize science among the general public, does not seem to function.

Keywords: *citizen science, science communication, science policy, popularization of science, sovereign science, neoliberal science, open science*

For citation: Krynzhina M.D. Neoliberalism and Citizen Science in Russia: Between Global Standards and National Priorities. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 93–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V517>

Введение

Современный этап развития глобального научного пространства характеризуется обострением противоречий между универсалистскими установками неолиберальной доктрины и стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития. В публичном дискурсе это противостояние все чаще концептуализируется через категорию «суверенная наука».

Данный термин отражает не только институциональные и организационные особенности, но прежде всего ценностные основания научной деятельности в условиях национальных приоритетов, культурной идентичности и политической автономии. Если неолиберальная наука ориентирована на рыночные механизмы, конкуренцию, унификацию стандартов научной деятельности и подотчетность транснациональным структурам, то суверенная наука

предполагает утверждение иной парадигмы, основанной на самодостаточности, социально-культурной укорененности и стратегической значимости национальной научной культуры для общества [1]. В то же время нелиберальный общественно-политический контекст развития научной сферы, который сформировался в конце XX – начале XXI века в соответствии с доминирующими на международной арене в обозначенный период времени принципами свободного глобального рынка и экономической конкуренции, продолжает оказывать существенное воздействие на развитие науки в России и мире.

Неолиберальная наука, возникшая под влиянием экономических реформ 1980–1990-х годов, подчиняет научную деятельность рыночным механизмам, коммерциализации знаний и конкуренции за ресурсы. Она рассматривает науку как сферу, где знания становятся товаром, а ученые – рациональными акторами, конкурирующими за финансирование и патентование результатов [2]. Неолиберальная идеология поощряет создание условий, при которых ученые должны самостоятельно заботиться о коммерциализации своих трудов, а граждане активно выступать в научных процессах как «потребители» и «соинвесторы», оказывать влияние на ход исследований и даже непосредственно в них участвовать [3].

Критики неолиберализма справедливо отмечают, что при таком подходе к организации научной деятельности приоритет государственного финансирования и частных инвестиций закономерно смещается в сторону тех проектов, которые способны принести экономическую выгоду и практический результат [4]. В то же время в ходе глобального распространения неолиберальной модели положительно трансформировались взаимоотношения научного сообщества и социума: вовлечение общества в коммуникацию с научным сообществом и представителями власти способствовало развитию концепции «открытой науки» [5].

Данная концепция тесно связана с теорией «открытого общества» К. Поппера, подробно

описанной в работе «Открытое общество и его враги» (1945). Исследователь полагал, что в демократично устроенном обществе, открытом для критики, дискуссий и изменений, можно избежать догматизма и авторитаризма, а также концентрации власти в одних руках. В теории «открытого общества» знание и идеи не монополизированы правящей элитой, не сосредоточены в центрах, единолично принимающих решения, а распределены между сильными институтами, к которым К. Поппер относил и институт средств массовой информации [6].

Концепция «открытой науки» охватывает применение принципов «открытого общества» в этой сфере и в самом широком смысле выражается в открытом доступе к публикациям, данным и образовательным ресурсам. Существуют разные подходы к определению рассматриваемого термина. В частности, Б. Фехер и С. Фризике выделяют 5 ключевых направлений, в рамках которых фиксируются цели «открытой науки»: «обеспечение равного доступа к знаниям (демократическая школа); повышение эффективности процесса создания знаний за счет целеполагания (прагматичная школа); развитие цифровой инфраструктуры, платформ и инструментов для совместной работы ученых (инфраструктурная школа); повышение доступности науки для общества (общественная школа); внедрение новых способов оценки научных достижений (количественная школа)» [7, с. 19].

Согласно определению, предложенному Организацией экономического сотрудничества и развития, миссия «открытой науки» – «сделать основные результаты исследований, финансируемых государством, – публикации и данные исследований – общедоступными в цифровом формате без каких-либо ограничений или с минимальными ограничениями» [3, с. 124]. Это определение всецело согласуется с неолиберальным видением социально-экономического развития, опирающегося на рыночные механизмы: стимулирование эффективности и свободной конкуренции через открытый доступ к данным, а также позиционирование

научного знания в качестве ресурса для экономического роста.

В академических кругах неолиберальные преобразования в науке ассоциируются, в первую очередь, именно с развитием института гражданской науки (как одного из ключевых проявлений концепции «открытой науки») [8]. Сегодня феномен гражданской науки привлекает возрастающее внимание, т. к. необходимо заново переосмыслить взаимоотношения науки и общества в контексте развития суверенной науки и следования национальным приоритетам. Особую актуальность концептуальное осмысление феномена гражданской науки приобретает в контексте глобальных вызовов XXI века (климатические изменения, эпидемия Covid-19 и др.), которые наглядно демонстрируют, насколько расколото общество, подорван авторитет ученых и как велико недоверие большого числа граждан к достоверности результатов исследований [9].

Концепт гражданской науки и проблема терминологии

В общих чертах гражданская наука означает любой формат участия граждан в научной деятельности. В то же время на проблему терминологии указывают многие авторы [10]. Представители естественных и социальных наук по-разному понимают цели гражданской науки. И это разное понимание корнями уходит в изначальное определение данного феномена, которое в один и тот же период независимо друг от друга предложили разные ученые. Формирование концепта гражданской науки и появление первых теоретических публикаций, посвященных этой теме, относятся к 1995 году.

Изначально определению гражданской науки была свойственна амбивалентность. Термин «citizen science» в современном его понимании одновременно был введен в научный оборот социологом Алланом Ирвином и орнитологом Рики Бони. А. Ирвин как представитель социальных наук полагал, что процессы принятия решений в научной политике должны быть открытыми для общества, поскольку наука должна чутко реагировать на проблемы и нужды

граждан [11]. Согласно его терминологии, концепт «гражданская наука» был призван стать связующим звеном между наукой, обществом и политикой, т. е. гражданская наука в понимании исследователя могла использоваться в качестве инструмента для достижения политических целей. Р. Бонни как представитель естественных наук подразумевал под гражданской наукой проекты, в которых неспециалисты могли бы принимать участие и добровольно собирать данные, необходимые для исследования. Он ввел этот термин как синоним понятия «Public Participation in Scientific Research», которое мы могли бы перевести как «участие общественности в научных исследованиях», таким образом заменив сложное и длинное название более звучным и коротким [12].

Соответственно, для естествоиспытателей феномен гражданской науки – это возможность снизить затраты на исследование, осуществить проект, который невозможно реализовать без привлечения волонтеров в силу ограниченности бюджета. Речь здесь идет о проектах, для достижения целей которых необходимы большие объемы данных. Для представителей социальных наук рассматриваемый феномен – это возможность повысить уровень грамотности населения, укрепить доверие к ученым, к организаторам науки и людям, проводящим научную политику.

Г. Ромашкина и А. Лисица отмечают, что впервые в эмпирическом исследовании термин «гражданская наука» был использован в 1989 году американским биологом Робертом Керзоном: он сумел привлечь 225 добровольцев из числа американских граждан для описания способов сбора проб дождя в рамках маркетинговой кампании по повышению осведомленности населения о кислотных дождях, проводимой некоммерческой экологической организацией «Национальное Одюбоновское общество». Авторы полагают, что Р. Керзон первым на практике продемонстрировал «концепцию того, как можно привлечь к проблеме общественное внимание, не используя при этом излишних ресурсов» [13, с. 41].

Таким образом, зарубежные ученые, учреждая проекты с участием волонтеров, изначально преследовали образовательные цели. С 2000-х годов их российские коллеги также начали ставить в научном поле вопрос о повышении научной грамотности и обсуждать роль гражданской науки в современном обществе [14].

Гражданская наука как инструмент нелиберальной трансформации

Существуют два ключевых подхода к определению понятия «научные коммуникации», различия которых обусловлены англоязычным происхождением терминов «science communication» и «scientific communication», которые в переводе на русский язык идентичны друг другу [15].

Под термином «scientific communication» понимались все виды коммуникации непосредственно внутри научного сообщества: от возникновения идей до их популяризации. Становление научной коммуникации как отдельной дисциплины началось после публикации в 1985 году доклада британского генетика Уолтера Бодмера «Общественное понимание науки». Так, «на заседании Лондонского королевского общества Бодмер впервые отметил, что экономическое и культурное процветание страны напрямую связано с тем, как общество воспринимает деятельность ученых» [16, с. 126]. Он предложил объединить усилия образовательных организаций, государственных структур и частного сектора для повышения уровня понимания науки в обществе. С этого момента «science communication» выделилась в самостоятельную область, возникшую на стыке социологии науки и исследований в сфере коммуникации [16].

Традиционно изучение научных коммуникаций фокусировалось на внутренних процессах обмена знаниями внутри академического сообщества – публикациях в специализированных журналах, конференциях и дискуссиях между экспертами. Однако с формированием новой дисциплины внимание профильных исследователей оказалось направлено на анализ того, как научные знания выходят за пределы лабораторий и университетов и интегрируются в более широкий социальный, политический и

культурный контекст. Важным поворотом в социальных исследованиях науки стало признание того, что она не существует в изоляции: ее результаты влияют на принятие решений в политике, бизнесе, образовании и даже в повседневной жизни граждан.

Научной коммуникацией сегодня считается система организованных и целенаправленных действий, целью которых является не только передача фактов, но и формирование понимания научных методов, подходов и практик среди тех, кто не обладает специализированными знаниями. Таким образом, «science communication» трансформируется из вспомогательной практики в ключевой инструмент, обеспечивающий связь между наукой и обществом в эпоху, когда доверие к экспертам и институтам подвергается серьезным испытаниям.

С течением времени подходы к роли популяризации научного знания претерпели значительные изменения. Изначально научные политики полагали, что дефицит доверия в обществе существует из-за дефицита знаний, который необходимо восполнить. Так называемая дефицитная модель не делала граждан равноценными участниками процесса принятия решений, касающихся развития науки, а пропаганда результатов научных исследований, по Э. Бернейсу, должна была лишь приучить «людей к переменам и к прогрессу» [17, с. 189]. Рассуждая о возможностях пропаганды как средства установления взаимопонимания между государством и обществом, теоретик связей с общественностью еще в 1920-х годах привел такой пример научной коммуникации, полностью укладывающийся в рамки «дефицитного» подхода к популяризации науки: «В течение многих веков занятие наукой было связано в первую очередь с затворничеством, закрытостью. Колледжи стремились сохранить свою изолированность от мира... Колледжи никогда не одобряли интереса, который могли проявлять к их работе посторонние. Они еще кое-как, со скрипом допускали репортеров на церемонию присуждения степеней, но на том все и заканчивалось... Если же сегодня репортер

хочет взять интервью у профессора Гарварда, достаточно будет позвонить пресс-секретарю университета» [17, с. 68].

Как показала практика, «дефицитная модель» не способствовала росту доверия граждан по отношению к результатам научных изысканий. Благодаря распространению неолиберальных идей данную модель популяризации научного знания уже в XXI веке заменила «модель диалога», которая поставила неспециалистов наравне с исследователями и научными экспертами [18]. Однако диалоговая модель оказалась не в состоянии ответить на современные вызовы. В условиях цифровизации и демократизации знаний стало формироваться стремление неспециалистов активно участвовать в научной деятельности, которое ознаменовало переход к «партиципаторной модели», или «модели вовлечения». Развитие данной модели тесно связано с неолиберальными трансформациями в науке и обществе, которые стимулируют открытость, децентрализацию и вовлеченность граждан. «Партиципаторная модель» предполагает не просто обмен информацией между учеными и гражданами, но и совместное продуцирование научных знаний. Именно в концептуальных рамках этой модели, основанной на взаимной заинтересованности всех участников коммуникации, происходит реализация проектов гражданской науки, в которых волонтеры на добровольной основе собирают и обрабатывают данные наравне с профессиональными исследователями. Она отражает современный этап развития научной коммуникации, предоставляя обществу ключевую роль в определении актуальной научной повестки, необходимой для решения как национальных, так и глобальных проблем [16].

Гражданская наука предполагает активное вовлечение волонтеров и энтузиастов в научную работу, что расширяет возможности сбора больших данных, повышает общественный интерес к науке и демократизирует доступ к знаниям. Современные проекты по мониторингу экологии, биоразнообразия или качества воздуха часто опираются на участие граждан,

которые собирают и анализируют полученные сведения, дополняя, а иногда даже и заменяя работу профессиональных исследователей. В научном сообществе участие неспециалистов преимущественно рассматривается как благо и положительное следствие распространения идей и ценностей неолиберализма в научной среде. Институт гражданской науки, при оптимистичном подходе к его целям и задачам, призван формировать новые формы коллективного взаимодействия и обмена опытом, усиливающие социальную сплоченность, повышающие устойчивость общества и сохраняющие те его сегменты, которые в меньшей степени подвержены воздействию рыночных принципов [8].

С другой стороны, гражданская наука создает иллюзию инклюзивной и доступной науки, где границы между экспертами и обывателями размываются, а научный прогресс становится прозрачнее и ближе к обществу. Перекладывание части исследовательской работы на добровольцев позволяет государству или коммерческим организациям сократить расходы инвесторов, будь то фонды, частные компании или правительственные структуры, на финансирование профессиональных научных институтов путем замены оплачиваемого труда ученых бесплатным трудом энтузиастов. При этом данные, собранные гражданами, могут становиться основой для разработки коммерческих продуктов или услуг, что поднимает закономерные вопросы о справедливости распределения прибыли и этике использования интеллектуальных ресурсов граждан. Поэтому, в сущности, гражданская наука в ее актуальном воплощении является инструментом дальнейшей неолиберализации научной сферы, выражающейся в сокращении государственного финансирования научных исследований, переключении ответственности на неспециалистов и коммерциализации общественных благ.

**Гражданская наука в России:
между глобальными стандартами
и суверенными приоритетами**

В Соединенных Штатах Америки и странах Евросоюза гражданская наука стала частью

политики научного сообщества и его стратегической задачей: «Согласно данным американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center), в 2019 году каждый десятый американец принял участие в каком-либо проекте гражданской науки» [16, с. 132]. В мире с каждым годом стремительно растет количество добровольцев и волонтеров, желающих внести свой вклад в науку. В настоящее время найти интересующий проект и принять в нем участие сторонники движения гражданской науки могут благодаря развитию специальных англоязычных платформ-агрегаторов («Zooniverse», «Scistarter», проект «Фолдит» и многие другие).

Отечественные авторы приходят к выводу, что «международный опыт привлечения в науку волонтеров-исследователей недостаточно проявляется в российском научном и информационном пространстве» [19, с. 76]. Существует проблема популяризации исследований с участием волонтеров. Анализируя представленность российских публикаций по тематике «Гражданская наука» в базе данных Scopus, Т. Бусыгина приходит к выводу, что подобные работы малочисленны, а интерес к теме проявился только в 2010-е годы [20].

В то же время, рассматривая концептуальные подходы к феномену гражданской науки в российском и зарубежном научном поле, исследователи А. Муравьева и О. Олейникова приходят к выводу, что «все публикации объединяет общее понимание гражданской науки как отражения изменений в характере государственного управления с особым акцентом на полиакторность, выступающую фактором обеспечения устойчивости в современном турбулентном мире» [21, с. 48].

Анализируя ценностные основания гражданской науки, и зарубежные, и российские исследователи подчеркивают значимость развития гражданской науки как фактора, способствующего росту научной грамотности населения, популяризации научных достижений и, как следствие, укреплению доверия к ученым и организаторам научной деятельности.

Гражданская наука в трудах отечественных исследователей рассматривается как взаимовыгодный процесс. С одной стороны, участники из числа широкой общественности вовлекаются в научную деятельность, расширяют свой кругозор и получают чувство удовлетворения от причастности к важному делу, с другой – научно-исследовательские коллективы таким образом реализуют с наименьшими затратами масштабные и дорогостоящие проекты. Бенефициаром данного процесса является общество в целом [22].

Так, А. Волкова отмечает, что «проекты гражданской науки, наряду с повышением уровня образования и усилением интереса к науке, способствуют приобретению опыта публичного согласования интересов, формированию общей системы ценностных ориентиров, а также предполагают совместную ответственность не только за результат конкретного научного проекта, но и за свою территорию проживания, и шире – за всю планету, если принять во внимание экологические проекты межгосударственного плана» [23, с. 19].

По мнению Н.В. Гришечкина и С.В. Тихонова, гражданская наука как форма диалога между научным сообществом и социумом, соответствующая «ориентации на инклюзивное развитие», в целом выступает в качестве основы социального согласия за счет повышения уровня доверия к исследовательской деятельности. Особую важность такое согласие приобретает в ситуации множества противоположных политических, этических и морально-нравственных позиций [9].

Потенциал гражданской науки в России казался неоспоримым в период пандемии, когда обществу было необходимо сплотиться для решения насущной глобальной проблемы, а государству – выстроить единую устойчивую систему популяризации научного знания в противовес стремительно и хаотично распространявшейся дезинформации в социальных медиа. До 2020 года в России не существовало площадок, на которых ученые и добровольцы могли найти друг друга. В разгар пандемии Covid-19 Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН) запустила первый

в стране некоммерческий бесплатный онлайн-портал «Люди науки»¹, призванный объединить все проекты гражданской науки, реализуемые в России. Однако в 2022 году организаторы приостановили работу проекта. АКСОН – калька с Европейской ассоциации научных коммуникаторов – также прекратила свою деятельность после начала специальной военной операции.

Следует отметить, что в контексте российской научной коммуникации АКСОН занимала уникальное положение как единственная профессиональная организация, объединявшая на системной основе научных журналистов, пресс-секретарей научных организаций, специалистов по связям с общественностью и популяризаторов науки. До 2022 года АКСОН выполняла роль институциональной площадки, в рамках которой осуществлялось профессиональное взаимодействие, проводились регулярные встречи, конференции и форумы всероссийского масштаба, организовывались конкурсы и создавались образовательные программы на базе ведущих национальных исследовательских университетов страны (Высшая школа экономики, ИТМО, МИСИС и др.), направленные на повышение качества научной коммуникации. Инициативы и проекты Ассоциации широко освещались в отечественной прессе, социальных медиа, на официальных порталах образовательных организаций и сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. В настоящее время в России озвучиваются разрозненные инициативы и реализуются временные проекты в области научной коммуникации, однако структурированной организации, аналогичной по целям и задачам АКСОН, способной консолидировать всех участников научной коммуникации в стране не создано.

Значительное влияние на современное состояние гражданской науки в России и мире оказывают цифровизация и развитие открытого доступа к результатам исследований че-

рез Интернет. С одной стороны, благотворное влияние цифровизации отмечается в контексте роста численности акторов гражданской науки. А. Волкова полагает, что «гражданская наука, базирующаяся на таких базовых ценностях, как знания, сотрудничество, доверие, взаимопомощь, стала возможна как массовое явление благодаря процессу сетевизации общества и технологическим достижениям» [24, с. 43].

В то же время цифровые медиа оказались одним из ключевых факторов, подрывающих доверие к ученым и научным исследованиям, трансформировав способ производства, распространения и подачи информации. Социальные сети, новостные агрегаторы и мессенджеры создали такую информационную экосистему, в которой скорость распространения контента важнее его достоверности, а алгоритмы платформ часто отдают приоритет сенсационным и эмоционально окрашенным материалам, предлагая пользователям ту информацию, которая соответствует их уже сформированным устойчивым убеждениям, что усиливает поляризацию мнений в обществе и недоверие к официальной науке. Более того, зачастую недобросовестные медиа намеренно «освещают события из сферы конспирологии и лженауки, чтобы повысить количество посещений сайта и привлечь новых читателей» [25, с. 89].

В эпоху цифровых медиа любой пользователь может претендовать на авторитетность, публикуя свои интерпретации научных данных, что приводит к эрозии авторитета ученых, чьи выводы, даже подкрепленные годами исследований, легко оспариваются в дискуссиях блогерами, политиками или активистами, чьи заявления могут быть основаны на предвзятости либо личных интересах. В результате наука, требующая доказательств и консенсуса, воспринимается общественностью не как система знаний, основанная на проверяемых и воспроизводимых фактах, а как одна из точек зрения, что не только подрывает доверие к ученым, но и

¹Люди науки. URL: <https://citizen-science.ru> (дата обращения: 23.04.2026).

создает почву для манипуляций, когда научные данные используются выборочно или искажаются намеренно для достижения политических или коммерческих целей. Как следствие, некоторые исследователи полагают, что «пора начать широкую дискуссию по этим вопросам в научном сообществе <...> чтобы наука как общественная деятельность (включая производство и распространение научных знаний) снова была взята в руки ученых в государственных учреждениях, где конфликты с частными интересами ограничены» [26, с. 359].

В качестве других проблемных аспектов развития гражданской науки в России следует отметить вопросы авторства результатов научных исследований, оплаты труда волонтеров науки, а также достоверности предоставляемых непрофессионалами данных. Решение последней проблемы находится в плоскости цифровизации и стандартизации методов исследования.

Проблеме мотивации волонтеров также уделяется особое внимание. Исследователи В. Порус и В. Бажанов отмечают, что контекст реализации проектов гражданской науки «предполагает существенное сокращение “дистанции” между учеными-профессионалами и обществом, которое знает о научных достижениях и реалиях разве что из популярной литературы или средств массовой информации», и задаются справедливым вопросом, «насколько такое сближение способствует достижению истинного и эффективного знания» [27, с. 24]. Немногочисленные отечественные эмпирические исследования мотивации и причин участия волонтеров в российских проектах гражданской науки демонстрируют гомогенность выборки неспециалистов: в основном в проектах гражданской науки принимают участие юные обучающиеся школ и гимназий, готовые связать свою профессиональную жизнь с наукой, медициной. Это самая активная часть молодежи, заинтересованная в участии в научной деятельности как таковой [28].

Формирование концепции суверенной науки находится в фокусе исследования отечественных ученых, однако не охватывает про-

блему развития гражданской науки в соответствии с национальными приоритетами. Так, А. Ильина выдвигает на передний план роль Российского индекса научного цитирования как главной наукометрической системы, позволяющей оценивать результативность научных исследований. Она также отмечает, что инновационный потенциал регионов России недостаточно используется при организации научно-исследовательской и образовательной деятельности [29].

Анализируя роль национального государства в международных процессах, Г. Шумкоски утверждает, что оно «служит своему суверену – народу, а не каким-то “высшим” международным группам и глобальным интересам. Доктрина суверенного государства обеспечивает основу для развития справедливых национальных экономических систем» [30, с. 774]. Он подчеркивает, что глобальная экономическая интеграция в условиях беспрецедентного технологического скачка «сделала мир “меньше” и превратила его в действительно “глобальную деревню” <...> Подобный беспрецедентный технологический и коммуникационный прогресс в сочетании с тектоническими политическими изменениями последних десятилетий ознаменовался непрерывной эрозией национальных государств и ростом влияния международных и неправительственных организаций» [30, с. 774]. Он также подчеркивает, что «для реализации доктрины суверенного развития необходимо обеспечить достоверную базу знаний и внедрять результаты обновленной науки как внутри страны, так и за ее пределами – через журналы, аналитические центры, международные академические сети и, что важнее, – на разных языках. Суверенная наука будет конкурировать с современной англоязычной наукой, выхолощенной внедрением неоллиберальной повестки и продвигающей ее» [30, с. 783]. Однако ответа на вопрос, каким образом на практике суверенная наука в России должна быть организована, исследователь не дает.

Таким образом, дискуссии о суверенной науке выдвигают на передний план необходимость

создания и популяризации отечественных систем оценки результатов научных исследований в противовес глобально распространенным западным стандартам. В то же время дискуссии о роли и месте гражданской науки в суверенном государстве фактически отсутствуют. Сосредотачиваясь на позитивных аспектах гражданской науки с теоретической точки зрения, отечественные авторы фактически игнорируют европоцентричность реализуемых на практике проектов в области социальных наук: в качестве примера можно привести исследования гендерной идентичности.

Национальный проект «Люди науки», который функционировал в России до 2022 года, после начала специальной военной операции был ликвидирован по инициативе организаторов, продемонстрировавших таким образом высокую степень политизации процесса популяризации универсального научного знания. Посчитать актуальное количество реализуемых в настоящее время проектов гражданской науки в России представляется затруднительным: портал «Люди науки» не актуализирует информацию о проектах гражданской науки, аналогичной русскоязычной площадке, объединяющей все подобные проекты, не было создано ни по инициативе научных коммуникаторов, ни по инициативе государственных структур, а те единичные и разрозненные проекты, о которых удалось найти информацию в Интернете и социальных медиа, не сопоставимы с проектом «Люди науки» по метрикам медийного охвата.

В то же время Е. Рассолова и К. Галкин [31] полагают, что одной из самых популярных инициатив в области гражданской науки по данным за 2023 год можно считать сайт «Добро.Наука»², объединяющий добровольческие научные проекты, организатором которого выступил Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при

Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Координатором портала является Центр развития научного волонтерства Университета МИСИС. Однако следует заметить, что портал «Добро.Наука» является частью цифровой экосистемы «Добро.ру», на которой при содействии Ассоциации волонтерских центров собраны и систематизированы тысячи проектов из всех регионов России, в т. ч. и в области науки, и зарегистрированы миллионы волонтеров. О. Цыбульская отмечает: «С помощью платформы можно стать добровольцем, совершенствоваться, создавать и продвигать собственные инициативы»³. Популяризация проектов гражданской науки и результатов научно-исследовательской деятельности не является приоритетной задачей цифровой экосистемы «Добро.ру». Таким образом, можно сделать вывод, что как социальный институт, призванный не только формировать интерес, популяризировать научное знание и вовлекать широкую общественность в научно-исследовательский процесс, но и способствовать росту ответственности представителей общественности за результаты научной деятельности, гражданская наука в России не функционирует.

Заключение

Гражданская наука как конструкт неолиберальной социально-экономической системы осуществляется по международным стандартам, продвигая западные ценности и повестку. Российские исследователи теоретически рассматривают гражданскую науку как благо и эффективный инструмент укрепления социальной солидарности и популяризации научного знания, разделяя таким образом англосаксонские подходы к научным коммуникациям и призывая к их развитию. Однако на практике гражданская наука в России сталкивается с серьезными вызовами: примеры реализации проектов гражданской науки малочисленны,

²Добро.Наука. Научное волонтерство. URL: <https://science.dobro.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

³Цыбульская О. Портал неравнодушных людей: как «Добро.Ру» развивает волонтерское движение // Наука. рф. 2022. 16 дек. URL: <https://наука.рф/journal/portal-neravnodushnykh-lyudey-kak-dobro-ru-razvivaet-volonterskoe-dvizhenie/> (дата обращения: 15.03.2026).

вовлеченность широкой общественности минимальна, а популяризации феномена не уделяется должного внимания. В условиях активных дискуссий о ценностных основаниях суверенной науки представляется целесообразным пересмотреть роль гражданской науки и уделить особое внимание анализу практик реализации

таких проектов в России. Гражданская наука как конструкт суверенной науки должна учитывать особенности российского общества, приоритеты государственной повестки, стратегии цифрового и правового суверенитета, а также интересы регионов, чей научно-технологический потенциал не задействован в полной мере.

Список литературы

1. Антюхова Е.А., Крынжина М.Д. Ценностные основания практик цифрового и технологического суверенитета ЕС // *Abyss* (Вопр. философии, политологии и соц. антропологии). 2025. № 4(34). С. 134–147. <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2025-4-134-147>
2. Аблажей А.М. Концепция нелиберальной науки в западной социальной мысли // *Вестн. НГУ. Сер.: Философия*. 2012. Т. 10, № 2. С. 74–81.
3. Вострикова Е.В., Куслий П.С. Неoliberalизм в науке: подход STS // *Эпистемология и философия науки*. 2015. Т. 46, № 4. С. 105–127.
4. Аблажей А.М. Неoliberalная трансформация современной науки: российская версия // *Вестн. НГУ. Сер.: Философия*. 2014. Т. 12, № 4. С. 40–46.
5. Mirowski P. The Future (s) of Open Science // *Soc. Stud. Sci.* 2018. Vol. 48, № 2. С. 171–203.
6. Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 528 с.
7. Fecher B., Friesike S. Open Science: One Term, Five Schools of Thought // *Opening Science*. Cham, 2014. P. 17–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8_2
8. Vohland K., Weißpflug M., Pettibone L. Citizen Science and the Neoliberal Transformation of Science – An Ambivalent Relationship // *Citiz. Sci.: Theory Pract.* 2019. Vol. 4. № 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.5334/cstp.186>
9. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 2. С. 123–138.
10. Vylieva D.S., Lobatyuk V.V., Rubtsova A.V. Citizen Science: Concept, Problems and Prospects // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12, № 1. С. 49–70.
11. Irwin A. Constructing the Scientific Citizen: Science and Democracy in the Biosciences // *Publ. Underst. Sci.* 2001. Т. 10, № 1. С. 1–18.
12. Бусыгина Т.В. Анализ литературы по проблеме «гражданская наука» на основе базы данных Scopus // *Социология науки и технологий*. 2022. Т. 13, № 4. С. 169–201.
13. Ромашкина Г.Ф., Лисица А.В. Гражданская наука – за и против // *Siberian Socium* (Сибирский социум). 2022. Т. 6, № 3. С. 39–59. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59>
14. Haklay M., Dörler D., Heigl F., Manzoni M., Hecker S., Vohland K. What is Citizen Science? The Challenges of Definition // *The Science of Citizen Science*. Springer, 2021. С. 13–33.
15. Неустроева С.Л. Научная коммуникация: глобальный тренд или новая академическая дисциплина? // *Соц. пространство*. 2018. № 5. С. 1–10. <https://doi.org/10.15838/sa.2018.5.17.12>
16. Крынжина М.Д. Влияние нелиберализма на модели научной коммуникации // *Концепт: философия, религия, культура*. 2022. Т. 6, № 2. С. 119–137.
17. Бернейс Э. Пропаганда. М., 2024. 192 с.
18. Bucchi M. Of Deficits, Deviations and Dialogues: Theories of Public Communication of Science // *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge, 2008. С. 71–90. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
19. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Гражданская наука как способ расширения участия в научных исследованиях // *XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность*. Екатеринбург, 2023. С. 75–78.
20. Бусыгина Т.В. Российская «гражданская наука», отражение в БД Scopus: наукометрический анализ // *Социология науки и технологий*. 2024. Т. 15, № 1. С. 126–159.

21. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Роль университетов в развитии дискурса гражданской науки // Унив. управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 3. С. 45–55.
22. Абдуразаков О.Р., Ледовская Е.В. «Гражданская наука» как новый вектор публичной политики // Проблемы науки. 2021. № 8. С. 62–63.
23. Волкова А.В. Гражданская наука: вызовы и уроки // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. Второго Междунар. конгр. Рус. о-ва истории и философии науки. Т. 3. М., 2020. С. 19–23.
24. Волкова А.В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Соц.-полит. исследования. 2019. № 1. С. 41–50.
25. Крынжина М.Д., Дедочева А.А. Медиа в эпоху «постправды»: о понятиях «лженаука», «конспирология» и «фейк» // Актуал. вопр. соврем. филологии и журналистики. 2023. № 2. С. 84–89. <https://doi.org/10.36622/aqmpj.2023.38.72.013>
26. Davi H., Modicom P.Y., Durand J.L., Eldin C. How Has Neoliberalism Weakened Science? // Nat. Sci. Soc. 2021. Vol. 29, № 3. С. 356–359. <https://doi.org/10.1051/nss/2021053>
27. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журн. высш. шк. экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
28. Газоян А.Г. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 810–817. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-810-817>
29. Ильина А.А. Национальная система оценки результативности научных исследований и разработок: новая повестка импортозамещения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2022. № 3. С. 63–79.
30. Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 771–787.
31. Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Цифровизация сферы гражданской науки в России. Перспективы и барьеры развития // Цифров. социология. 2023. Т. 6, № 2. С. 12–19.

References

1. Antyukhova E.A., Krynzina M.D. Tsennostnye osnovaniya praktik tsifrovogo i tekhnologicheskogo suvereniteta ES [The Value Foundations of the EU's Digital and Technological Sovereignty Practices]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, 2025, no. 4, pp. 134–147. <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2025-4-134-147>
2. Ablazhey A.M. Kontseptsiya neoliberal'noy nauki v zapadnoy sotsial'noy mysli [The Concept of Neoliberal Science in Western Social Thought]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 74–81.
3. Vostrikova E.V., Kusliy P.S. Neoliberalizm v nauke: podkhod STS [Neoliberalism in Science: STS Approach]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 105–127
4. Ablazhey A.M. Neoliberal'naya transformatsiya sovremennoy nauki: rossiyskaya versiya [Neoliberal Transformation of Contemporary Science: the Russian Version]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2014, vol. 12, no. 4, pp. 40–46.
5. Mirowski P. The Future (s) of Open Science. *Soc. Stud. Sci.*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 171–203.
6. Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath*. Princeton, 1963. 439 p. (Russ. ed.: Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly*, 1992. 528 p.).
7. Fecher B., Friesike S. Open Science: One Term, Five Schools of Thought. *Opening Science*. Cham, 2014, pp. 17–47 https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8_2
8. Vohland K., Weißpflug M., Pettibone L. Citizen Science and the Neoliberal Transformation of Science – An Ambivalent Relationship. *Citiz. Sci.: Theory Pract.*, 2019, vol. 4, no. 1. pp. 1–9. <https://doi.org/10.5334/cstp.186>
9. Grishechkina N.V., Tikhonova S.V. Grazhdanskaya ekspertiza i nauchnoe znanie v tsifrovuyu epokhu [Civil Expertise and Scientific Knowledge in the Digital Era]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 123–138.
10. Bylieva D.S., Lobatyuk V.V., Rubtsova A.V. Citizen Science: Concept, Problems and Prospects. *Sociology of Science and Technology*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 49–70.

11. Irwin A. Constructing the Scientific Citizen: Science and Democracy in the Biosciences. *Publ. Underst. Sci.*, 2001, vol. 10, no. 1, pp. 1–18.
12. Busygina T.V. Analiz literatury po probleme «grazhdanskaya nauka» na osnove bazy dannykh Scopus [Analysis of the Literature on Citizen Science Based on Scopus Database]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 169–201.
13. Romashkina G.F., Lisitsa A.V. Grazhdanskaya nauka – za i protiv [Citizen Science – Pros and Cons]. *Siberian Socium*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 39–59. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59>
14. Haklay M., Dörler D., Heigl F., Manzoni M., Hecker S., Vohland K. What is Citizen Science? The Challenges of Definition. *The Science of Citizen Science*. Springer, 2021, pp. 13–33.
15. Neustroeva S.L. Nauchnaya kommunikatsiya: global'nyy trend ili novaya akademicheskaya distsiplina? [Scientific Communication: a Global Trend or a New Academic Discipline?]. *Sotsial'noe prostranstvo*, 2018, no. 5, pp. 1–10. <https://doi.org/10.15838/sa.2018.5.17.12>
16. Kryzhina M.D. Vliyaniye neoliberalizma na modeli nauchnoy kommunikatsii [The Impact of Neoliberalism on Models of Science Communication]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 119–137.
17. Berneys E. *Propaganda* [Propaganda]. M., 2024. 192 p.
18. Bucchi M. Of Deficits, Deviations and Dialogues: Theories of Public Communication of Science. *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge, 2008, pp. 71–90. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
19. Romashkina G.F., Davydenko V.A. Grazhdanskaya nauka kak sposob rasshireniya uchastiya v nauchnykh issledovaniyakh [Civil Science As a Way to Increase Participation in Scientific Research]. *XXIII Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo: nasledie LN Kogana i sovremennost'*. Ekaterinburg, 2023, pp. 75–78.
20. Busygina T.V. Rossiyskaya «grazhdanskaya nauka», otrazhenie v BD Scopus: naukometricheskiy analiz [Citizen Science in Russia Through the Lens of the Scopus Database: Scientometric Analysis]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 126–159.
21. Muravyeva A.A., Oleynikova O.N. The Universities' Role in Developing Citizen Science Discourse. *University Management: Practice and Analysis*. 2021, vol. 25, pp. 45–55. (In Russ.).
22. Abdurazakov O.R., Ledovskaya E.V. «Grazhdanskaya nauka» kak novyy vektor publichnoy politiki [Citizen Science As a New Vector of Public Policy]. *Problemy nauki*, 2021, no. 8, pp. 62–64.
23. Volkova A.V. Grazhdanskaya nauka: vyzovy i uroki [Citizen Science: Challenges and Lessons]. *Vzaimodeystvie nauki i obshchestva – istoriya i sovremennost'*. Moscow, 2020, pp. 19–23.
24. Volkova A.V. Potentsial «grazhdanskoy nauki» v obshchestvenno-politicheskom razvitiy [Potential of Citizen Science in Political and Social Development]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 41–50.
25. Kryzhina M.D., Dedocheva A.A. Media v epokhu «postpravdy»: o ponyatiyakh «lzhenauka», «konspiologiya» i «feyk» [Media in the Post-Truth Era: the Concepts of Pseudoscience, Conspiracy and Fake News]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 2023, no. 2, pp. 84–89. <https://doi.org/10.36622/aqmpj.2023.38.72.013>
26. Davi H., Modicom P.Y., Durand J.L., Eldin C. How Has Neoliberalism Weakened Science? *Nat. Sci. Soc.*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 356–359. <https://doi.org/10.1051/nss/2021053>
27. Porus V.N., Bazhanov V.A. Postnormal'naya nauka: mezhdru Stilloy neopredelennosti i Haribdoy politizatsii znaniya [Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]. *Filosofiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 15–33.
28. Gazoyan A.G. Grazhdanskaya nauka kak instrument nauchnoy kommunikatsii: analiz rossiyskoy praktiki [Citizen Science as a Tool of Science Communication: Analysis of Russian Practice]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2020, vol. 45, no. 4, pp. 810–817. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-810-817>
29. Il'ina A.A. Natsional'naya sistema otsenki rezul'tativnosti nauchnykh issledovaniy i razrabotok: Novaya povestka importozameshcheniya [National Performance Evaluation System of Research and Development: A New Agenda of Import Substitution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2022, no. 3, pp. 63–79.
30. Shumkoski G. Global'nyy transfer neoliberal'nykh modeley i doktrina suverennoy gosudarstva [Global Dissipation of Neoliberal Models and the Sovereign State Doctrine]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 771–787.

Крынжина М.Д.

Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами...

31. Rassolova E.N., Galkin K.A. Tsifrovizatsiya sfery grazhdanskoy nauki v Rossii. Perspektivy i bar'ery razvitiya [Digitalization of the Sphere of Citizen Science in Russia. Prospects and Barriers to Development]. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 12–19.

Информация об авторе

М.Д. Крынжина – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Information about the author

Marina D. Krynzrina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskiy 76, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 08.07.2025

Одобрена после рецензирования 28.01.2026

Принята к публикации 30.01.2026

Submitted 8 July 2025

Approved after reviewing 28 January 2026

Accepted for publication 30 January 2026